

АНДРЕЙ Н. СОБОЛЕВ*

Институт лингвистических исследований РАН, С.-Петербург, Россия
Philipps-Universität Marburg, Deutschland

АНТИБАЛКАНИЗМЫ

Потребность в научной дефиниции балканизма как союзообразующего признака балканской лингвистической общности заставляет обратиться к лингвистическим сущностям и операциям, которые противопоставлены балканизмам, в ходе балканского языкового контакта не выходят за пределы исходного языка, максимально трудно заимствуются и калькируются в другие языки, т. е. носят своего рода *антидонационный* характер. Для них в статье предлагается обозначение *антибалканизмы* и приводится их неисчерпывающий список для балканославянских языков.

Ключевые слова: балканский языковой союз, балканизмы, антибалканизмы, языковая донационность.

Попытки выяснить правила использования лингвистического термина *балканизм* в научной литературе XX века практически не предпринимались, вместо этого во второй половине столетия возникло стремление таковые правила установить (см., например (STEINKE 1976a; b; DURIDANOV 1983)), что неизбежно приводило либо к апориям, либо, по совершенно справедливому мнению А. В. Десницкой, к порочному кругу в определении „балканизмов как свойств балканских языков“, а балканских языков „как языков, обладающих балканизмами“ (ДЕСНИЦКАЯ 1979: 13). Гораздо более плодотворным для науки о языках и культурах Балкан оказался традиционный еще с Копитарового времени подход, имплицитно содержащий остенсивное определение *признака* интуитивно осознаваемой *балканской лингвистической общности*,¹ который понимается реалистически как некоторая лингвистическая сущность языков по-

* sobolev@staff.uni-marburg.de

¹ Об ареальной общности и языковом союзе см., например (URBAN 2007; РУСАКОВ, СОБОЛЕВ 2008).

луострова (см., например КОПИТАР 1829; MIKLOSICH 1862; SANDFELD 1930; ПОПОВ 1984; АСЕНОВА 1989; ДУРИДАНОВ, МЛАДЕНОВ 1989; HINRICHS 1999; МДАБЯ 2003-2010).² В дальнейшем были предприняты попытки абстрагировать общие свойства некоторых балканизмов, например иконичность, аналитизм, полисемию и редундантность (NETZER 1995; HINRICHS 1999; РУСАКОВ, СОБОЛЕВ 2008),³ но на фоне синтетических, моносемных и экономичных контрпримеров (см., например SOBOLEV 2004) приходится признать, что пока еще недостаточно сделано для нормирования употребления самого термина.

Сопоставляя наиболее репрезентативные диалекты языков Балканского полуострова в ходе картографической работы над МДАБЯ в 2000-е годы и решая проблему межъязыковой идентификации лингвистических единиц и их функций в языковом контакте (при различении поведения говорящих и точки зрения исследующих языковые факты лингвистов) мы, в частности, опирались на нормативно определенное понятие *диалектного различия*, введенное в русскую диалектологическую науку еще структуралистами (АВАНЕСОВ, ОРЛОВА 1965; ЦЫХУН 1981), и во многих случаях картографировали различия *противопоставленные*. Естественно, что в ряде случаев остенсивно определенным сущностям-балканизмам, как того и требуют правила контроля в общей теории дефиниции, оказались противопоставлены сущности и операции, которые, как кажется, удобно именовать *антибалканизмами*.

Абстрагирование некоторых общих свойств антибалканизмов позволило расширить их список. Таковыми в дальнейшем будем в рабочем порядке считать лингвистические сущности и операции, в

² Приведем актуальный стандартный список балканизмов по У. Хинрихсу (HINRICHS 1999: 432, 434): „нелабиализованный гласный (среднего ряда и подъема), редукция падежной системы, ‘локативный’ тип числительных, постпозитивный артикль, вокатив, аналитический компаратив, адноминальный датив, удвоение объекта, перифрастический футур (volo), замещение инфинитива, эвиденциальное наклонение, разветвленная глагольная система, лексические заимствования“ (ср. также иначе в HAARMANN 1976: 77–96; NETZER 1995: 26–27).

³ Нет недостатка, в частности, и в спекулятивных теориях появления балканских грамматических категорий в истории балканославянских языков. Например, новые для македонского языка категории фактивность, статус и определенность объявляются иерархически наиболее высокими среди категорий, грамматикализирующих референциальную информацию, а их появление „есть результат не формальной интерференции с системами соседствующих неславянских языков, а функционального приспособления к потребностям многоязычной среды, в которой собеседники часто говорят на разных языках“ (ТОПОЛИЙСКА 1996: 71).

ходе балканского языкового контакта не выходящие за пределы исходного языка, сущности и операции своего рода *антидонационные*, максимально трудно заимствуемые и калькируемые в другие языки.⁴ Хотя для традиционной балканистики были бы интересны в основном случаи, когда внутрисистемная и географическая дистрибуция антибалканизмов ограничивается или сокращается (в частности, за счет заимствований и калек из языков-доноров), тем не менее, и в историческом, и в лингвогеографическом плане речь идет как о языковых архаизмах, противопоставленных традиционно понимаемым балканским инновациям (ср. RUSAKOV 2009), так и о подобных им непротивопоставленным явлениям (например, инновациях „в духе праязыка“), дистрибуция которых может оставаться неизменной или даже расширяться.⁵

В качестве примера области, в которой языки могут не являться ни донором, ни реципиентом, приведем установленный нами для балканославянских языков целый класс антидонационных славянских по происхождению лексем, входящих в семантическое микрополе названий родительских братьев и сестер, а также их супругов и детей: в обследованных южнославянских пунктах прекрасно сохранились славянские лексические архаизмы **stryjъ* „дядя по отцу“, **stryjъna* „жена дяди по отцу“, **ujъ* „дядя по матери“ и **ujъna* „жена дяди по матери“ с их многочисленными дериватами. О том, что это микрополе не единственное в своем роде, свидетельствует такое же положение дел с лексемами **bratučedъ* „сын дяди по отцу“, **děverъ* „деверь (брат мужа)“, **šurъ* „шурин (брат жены)“, **zъly* „золовка (сестра мужа)“, **jetry* „жены братьев между собой“ и др. (МДАБЯ 2005). Не утрачиваясь у южных славян, эти обозначения совершенно не заимствуются в неславянские балканские языки, использующие менее дифференцированные системы с большим количеством структурных нейтрализаций в полисемных лексемах. Объяснения этому могут лежать как в области особенностей соци-

⁴ К контактнообусловленным изменениям мы, в частности, относим *заимствование и замещение полнозначных и служебных единиц, калькирование и иные изменения в структурных схемах, изменения под контактным воздействием функций грамматических категорий* (СОБОЛЕВ 2008).

⁵ Возможно, имеет смысл задуматься об аналогичных явлениях и в области культуры. Например, греческий алфавит, в разное время и в разных формах (включая сюда и его дериваты вроде кириллицы) принятый почти всеми балканскими народами, очевидно может претендовать на статус балканизма, в то время как алфавит глаголический очевидно – на статус антибалканизма.

умов, а именно релевантности дифференциации ролей отдельных членов семьи или их групп, так и в общем предпочтении к генерической номинации (ср. серб. *bratućed* „сын дяди по отцу“ и *ujaković* „сын дяди по матери“ с алб. *kushëri* „сын дяди по отцу или по матери“) или к перифразе при именовании фактов или объектов (ср. макед. *Vrni*. „Идет дождь.“ vs. алб. *Bie shi*. „Идет дождь“).

Повторим, что речь не идет о принципиально не заимствуемых и не калькируемых сущностях и операциях, что вряд ли вообще возможно. Мы имеем в виду именно супрасегментные и сегментные единицы самого различного ранга и все возможные операции модификаций и конверсий (Мельчук 2000), реципируемые контактирующими языками максимально затрудненно. В (южно)славянских языках⁶ к таковым, как нам представляется, на разных языковых уровнях принадлежат:

фонологические энклитики и некоторые *правила их линейного порядка* (ст.-слав. *Ўѣто ти сѧ мьнитѣ*. „Ті σοι δοκεῖ;“; серб. *Dao sam joj ga*. „Я ей его дал.“; болг. диал. *На м'о сѧ мл'огу тр'осѧлѧ*. „Меня не искали долго.“ *Ј'е го сѧт не р'укала*. „Я его не звала.“ (МДАБЯ 2003: Карта 43));

перенос акцента на проклитики (ср. серб. *ù grād* „в город“ vs. *u grādu* „в городе“; болг. *Kāšta b'ez žena i māž b'ez pari oĝan da g'i gorī*. „Гори огнем дом без женщины и мужчина без денег.“);

тоническое ударение, которое, с одной стороны, является ингерентным свойством (пра)славянской лексемы (ср. Nom. Sg. *rāk*, Gen. Sg. *rāka*, Dat. Sg. *rāku* „рак“),⁷ а с другой – не лишено парадигмообразующей функции в словоизменении (ср. серб. Dat. Sg. *grādu* vs. Lok. Sg. *grādu*, Gen. Sg. *sēla* vs. Akk. Pl. *sēla*);

фонологическая релевантность признака количество гласных под ударением и вне его (ср. серб. 3 Sg. Praes. *rādī* „работает“ vs. 2 Sg. Imperat. *rādi* „работай“ (ср. для албанского (SAWIĆKA 1997: 23–25));

фонологическая релевантность признака назальность гласных и, как следствие, класс носовых гласных, вступающих в историче-

⁶ В дальнейшем приводится в основном славянский материал, изредка в иллюстрационных целях дополняемый разрозненными сведениями по неславянским балканским языкам, например албанскому. Установление списка албанских, романских и греческих антибалканизмов нам представляется делом ближайшего будущего.

⁷ Тон в славистической литературе характеризуется обычно как „lexikalisch-inherent“, а принадлежность к акцентным классам как „lexikalisch und grammatisch bedingt“ (GVOZDANOVIĆ 2009: 101, 111).

скую корреляцию взаимоисключения с гласным среднего ряда среднего подъема (ср. известный болгарский фонетический закон $*\rho > \partial$ ($*d\partial b\ddot{y} > d\partial p$) „дуб“ (ХАРАЛАМПИЕВ 2001: 61–62), а также протоалбанское развитие $*a > \ddot{e}$, $*e > \ddot{e}$ в позиции перед назальными (OREL 2000: 270; GLINARI ET AL. 2007–2008));

слоγοобразующие сонанты, оказывающиеся подгруппой на границе между классом гласных и согласных фонем (ср. серб. *l-Part. Nom. Sg. M. ѿтго* „умер(ший)“);

сонантный статус /v/, известный для сербского и хорватского языков и отраженный частично как слав. $-VuV-$ > албанское $-ua-$, $-ue-$ при заимствовании ($*rod\ddot{y}kov\ddot{y}$ „подкова“ > *patkuia* „то же“ (OREL 2000: 37–41; 120–122));

морфологическая релевантность конкретных исторических чередований согласных (ср., например, прекрасно известные славянские палатализации и йотации, с одной стороны, и албанские чередования, с другой – $t : s$, $n : nj$ (j), $k : q$, $g : gj$, $ll : j$, $p : mb$ (1 sg. *mas* : 2 sg. *mat* „измерять“, 1 sg. *laj* : 3 sg. *lan* „мыть“, pres. *djeg* : aor. *dogja* „жечь“, pres. *pjek* : aor. *poqa* „печь; зреть“, sg. *popull* : pl. *popu* „народ“, *pas* : *mbas* „сзади, за“ (OREL 2000: 139–141));

категория периферийных падежей, часто отражающая ингерентные модели глагольного управления (например генитив, инструментал, локатив и аблатив, в том числе и выражаемые перифрастическими конструкциями вроде социативной (см., в частности МИЛОРАДОВИЋ 2003; SOBOLEV 2004; 2009, отдельно об инструментале СОБОЛЕВ 2006)), в отличие от падежей структурных;

категория одушевленности и категория личности (см. новейшую аргументацию против рассмотрения первой в качестве балканской межъязыковой параллели (ASENOVA, ALEKSOVA 2008; ADAMO 2010));

категория собирательности, характеризуемая противоречием между формой и семантикой и устраняемая в балканских языках плюралной синтактикой существительных, оформленных типичными историческими собирательными суффиксами (макед. *Od d'abot l'isjeto p'advet d'olu*. „Листья с дуба падают вниз.“ (МДАБЯ 2005: Карты 17, 18));

категория сингулярности, выражаемая в славянских языках суффиксом $*-in\ddot{y}$ (макед. *Vugarin* „болгарин“);

категория двойственного числа в морфологии и синтаксисе имени и глагола (см. старочакавское *Dva mi sta siromaha dugo vritme drugovalq*. „Дружили долго два бедняка.“);

отсутствие маркера категории определенности на членах именной группы, т.е. эксплицитного показателя индивидуализирующего, генерического, специфического и/или неопределенного значения (ср. рус. *Он пришел в белой рубашке.* vs. макед. *Toj dojde vo (edna) bela košulja. Toj dojde vo belata košulja.*) (МДАБЯ 2005: Карты 93–126);⁸

противопоставление полных и кратких форм имен прилагательных с их нечеткими, размытыми внутрисистемными функциями (ср. ст.-слав. Nom. Sg. M. *слѣпъ* vs. *слѣпъин*, Gen. Sg. M. *слѣпа* vs. *слѣпаго*, Dat. Sg. M. *слѣпоу* vs. *слѣпоуѣмоу*; серб. Nom. Sg. F. *mláda* „молода“ vs. *mlâdâ* „молодая“), находящихся под воздействием фонетических процессов уподоблений и контракций и под аналогическим влиянием указательных и личных местоимений (серб. *sleproti*, хорв. диал. *slipetu*);

класс притяжательных прилагательных и местоимений (рус. *братьев, сестрин*; серб. *ñegov* „его“, *ñen* „ее“ (подробнее см., например (ИВАНОВ 1989: 21–28));

тройной дейксис, в т. ч. местоименный (серб. *òvāj* „этот“ vs. *tāj* „тот“ vs. *ònāj* „вон тот“), артиклевый (болг. *s'eloso, s'eloto, s'elono*; „X'otā z'omātā, sæg'a, dā u bærāk'eg' god'inā~~sā~~, zā zdr'avā dā smā i slīb'ii i dub'itāk!“ „Подходите теперь, берите, чтобы (этот) год был урожайным, чтобы мы были здоровы, и хозяева, и скот!“ (МДАБЯ 2005: Карта 95)) и наречный;

категория вида глагола с размытым общим значением предельности действия, выражаемая корневой морфемой или суффиксально (серб. *Ip̄f. padati* „падать“ vs. *Pf. pasti* „упасть“, болг. *Ip̄f. č'ist'a* „чистить“ vs. *Pf. plat'a* „платить“);

синтетические формы будущего времени (ср. футур, выражаемый посредством формы презенса глагола совершенного вида в ст.-сл. Падж. „Я упаду.“, болг. *Toj šte si kupi knjigata, kojato si izbere.* „Он купит книгу, которую выберет себе.“ и старочакавском 1 Sg. Fut. *Dojdem.* „Я приду.“ vs. штокавское (*Ja*) *ću doći.* „Я приду.“ (РОРОВИĆ 1960: 497)), а возможно, и некоторые из перифрастических форм будущего времени;

перифрастические формы условного наклонения с особыми кондициональными формами вспомогательного глагола „быть“ и

⁸ Новая балканская категория определенности (артиклевая морфема с индивидуализирующим значением) формируется на прилагательном в атрибутивной синтагме (СОБОЛЕВ 2009).

причастием на *-l* (ср. ст.-слав. *И азъ пришьдъ съ лихвоѡ истазаль вимь*. „И я, придя, с лихвою востребовал бы.“ (DIELS 1989: 242) и чакавское *Bin radil*. „Я работал бы“, а также македонские диалектные формы *Bi sum došol*. „Я бы пришел.“ (Архив МДАБЯ));

формы инфинитива и супина, как синтетические, так и аналитические (см., например (ЦЫХУН 1981; NETZER 1995; МДАБЯ 2003));

*действительное причастие прошедшего времени на *-lъ* с не определяемым однозначно грамматическим значением (включая сюда и атрибутивное употребление, и функционирование в качестве формы смыслового глагола в перифрастических формах времен и наклонений, и различение образований от имперфектных и аористных основ типа мак. *došol* vs. *dojdel*), а также действительное причастие прошедшего времени на **-vъ(ši)*;

генитив при отрицании (серб. *Netam novaca*. „У меня нет денег.“);

предикативный инструментал (серб. *Kad sam bila devojkom*. „Когда я была девушкой.“).

Для многих, хотя и не для всех приведенных сущностей и операций очевидна их общая принадлежность к так называемому „славянскому (или даже индоевропейскому) языковому типу“, а в качестве причины их антидонационности⁹ можно самым предварительным образом предположить их ингерентность для отдельных лексем; маркирование флексийными показателями фузионного и кумулятивного типа; относительно нечеткий способ выражения; относительно нечеткую внутрисистемную дистрибуцию, функцию и/или семантику и, как следствие – пограничный категориальный характер. Одновременно с этим, как кажется, абстрагируются и некоторые общие свойства антибалканизмов – амбивалентность относительно аналитизма и синтетизма, поли- или моносемии, экономии или редундантности.

Пока отметим лишь, что общетипологическая характеристика балканского языкового союза и отличная от остенсивной нормативная дефиниция *балканизма* как союзообразующего признака возможны только в широком контексте вопроса о системности языка в синхронии и диахронии, о взаимной импликационности языковых

⁹ „Славяне были пассивным элементом в процессе синтаксической и морфологической эволюции... Нет ни одной языковой категории, где все балканские языки представляют славянские элементы“ (SELIŠČEV 1925: 51).

признаков, о различиях в механизмах маркирования содержания грамматических категорий, об устойчивых и проницаемых для контактных инноваций участках языковой структуры и об их относительной иерархии.

Использованная литература

- АВАНЕСОВ, Рубен И. и Орлова, Варвара Г. *Русская диалектология*. Москва: Наука, 1965. 2-е изд.
- АСЕНОВА, Петя. *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз*. София: Наука и изкуство, 1989.
- ДЕСНИЦКАЯ, Агния В. „О современной теории балканистических исследований. К изучению грамматических соответствий языков балканского ареала.“ *Проблемы синтаксиса языков балканского ареала*. Под ред. А. В. Десницкой. Ленинград: Наука, 1979. С. 3–15.
- ДУРИДАНОВ, Иван и Младенов, Максим. „Дистрибуция на балканизмите в българските диалекти.“ *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Т. 25. Warszawa, 1989. S. 93–125.
- ИВАНОВ, Вячеслав В. „Синхронная и диахроническая типология посесивности.“ *Категория посесивности в славянских и балканских языках*. Под ред. В. В. Иванова. Москва: Наука, 1989. С. 5–43.
- МЕЛЬЧУК, Игорь А. *Курс общей морфологии*. Том III. Москва; Вена: Языки русской культуры, 2000.
- МИЛОРАДОВИЋ, Софија. *Ујојџреба њадежних облика у њовору Параћинској Поморавља: балканистички и еџномџрационџ асџектџ*. Београд, 2003.
- ПОПОВ, Бојан. „Положај српскохрватског језика у балканском језичком савезу.“ *Јужнословенски филолоџ*. Књ. XL. Београд, 1984. С. 21–43.
- РУСАКОВ, Александр Ю. и Соболев, Андрей Н. *Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки*. Доклад на XIV Международном съезде славистов в Охриде, Македония. С.-Петербург: Наука, 2008.
- СОБОЛЕВ, Андрей Н. „Южнославянский инструментал и его балканские эквиваленты (инструментальность в поле притяжения агентивности и пациентивности).“ *Македонската академија на науките и уметностите. Прилози*. Кн. XXXI/2. Скопје, 2006. С. 59–71.
- СОБОЛЕВ, Андрей Н. „О константах грамматики конвергентных языковых групп.“ *Карпато-балканский диалектный ландшафт*. Сборник памяти Г. П. Клепиковой. Москва, ИнСлав РАН, 2008. С. 140–145.
- СОБОЛЕВ, Андрей Н. „О категории определенности в болгарском языке (по поводу книги Ольги Младеновой *Definiteness in Bulgarian. Modelling the Processes of Language Change*. Berlin; New York, 2007)“ *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 45/2. Wiesbaden, 2009. S. 228–252.

- ТОПОЛИЊСКА, Зузана. „Комуникативната хиерархија како регулатор на јазичната интерференција.“ *Јазичније на јочваија на Македонија*. Кн. 3. Скопје, МАНУ, 1996. С. 67–73.
- ХАРАЛАМПИЕВ, Иван. *Историческа граматика на българския език*. Велико Търново: Фабер, 2001.
- ЦЫХУН, Геннадий А. *Типологические проблемы балканославянского ареала*. Минск: Наука і тэхніка, 1981.
- *
- ADAMOУ, Evangelia. „Le marquage différentiel de l’objet en nashta et en pomaque (slave, Grèce).“ *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. Vol. 105/1. Paris, 2010. P. 383-410.
- ASENOVA, Petia и Aleksova, Veselka. „L’aspect balcanique de la *nota accusativi personalis*.“ *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 44/1. Wiesbaden, 2008. P. 107–132.
- DEMIRAJ, Shaban. *Gramatikë historike e gjuhës shqipe*. Prishtinë: Rilindja, 1988. Botimi i dytë.
- DEMIRAJ, Shaban. (Ed.). *Gramatika e gjuhës shqipe*. Vëllimi I. *Morfologjia*. Tiranë: Akademia e shkencave, 1995.
- DIELS, Paul. *Altkirchenslavische Grammatik*. Heidelberg: Carl Winter, 1989. 2. Auflage.
- DURIDANOV, Ivan. „Zur Bestimmung des Begriffes „Balkanismus,, auf den verschiedenen Sprachebenen.“ *Ziele und Wege der Balkanlinguistik*. Beiträge zur Tagung vom 2.–6. März 1981 in Berlin. Berlin: Harrassowitz, 1983. S. 59–65.
- GJINARI, Jorgji et Beci, Bahri, Shkurtaj Gj., Gosturani Xh. *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*. Vëllimi I, II. Napoli, 2007–2008.
- GVOZDANOVIĆ, Jadranka. „Melodischer Akzent (Flexion)“ *The Slavic Languages. An international Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Volume 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 100–114.
- HAARMANN, Harald. *Aspekte der Arealtypologie. Die Problematik der europäischen Sprachbünde*. Tübingen: Narr, 1976.
- HETZER, Armin. *Nominalisierung und verbale Einbettung in Varietäten des Albanischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- HINRICHS, Uwe. „Die sogenannten ‘Balkanismen’ als Problem der Südosteuropa-Linguistik und der allgemeinen Sprachwissenschaft.“ Hinrichs, U. (Hg.) *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. S. 429–461.
- КОПИТАР, Jernej. „Albanische, walachische und bulgarische Sprache.“ *Jahrbücher der Literatur*. Band 46. Wien, 1829. S. 59–106. По новому изданию: Jerneja Kopitarja Spisov II. Del. 2. Knjiga. Ljubljana, 1945. S. 227–272.

- MIKLOSICH, Franz. *Die slavischen Elemente im Rumänischen*. Wien: ÖAW, 1862.
- MIŠESKA-TOMIĆ, Olga. *Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features*. Dordrecht: Springer, 2006.
- MLADENOVA, Olga. *Definiteness in Bulgarian. Modelling the Processes of Language Change*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- OREL, Vladimir. *A Concise Historical Grammar of the Albanian Language*. Leiden; Boston; Koeln: Brill Academic Publishing, 2000.
- POPOVIĆ, Ivan. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960.
- RUSAKOV, Aleksandr Ju. *The Balkan Sprachbund: where does the convergence stop?* St. Petersburg: SPb State University, 2009. (manuscript).
- SANDELD, Kristian. *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Édouard Champion, 1930.
- SAWICKA, Irena. *The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features*. Warszawa: Energeia, 1997.
- SELIŠČEV, Afanasij M. „Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: Un balkanisme ancien en bulgare.“ *Revue des Études slaves*. Tome V, fasc. 1–2. Paris, 1925. P. 38–56.
- SOBOLEV, Andrej N. „Probleme der Balkansyntax aus der dialektologischen Sicht.“ *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 35/2. Wiesbaden, 1999. S. 195–213.
- SOBOLEV, Andrej N. „Analytische Tendenzen in den balkanslavischen Dialekten vor dem allgemeinbalkanischen Hintergrund.“ *Die europäischen Sprachen auf dem Weg zum analytischen Sprachtyp*. Hrsg. von Uwe Hinrichs. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004. S. 243–262.
- SOBOLEV, Andrej N. „From Synthetic to Analytic Case: Variation in South-Slavic Dialects.“ *Handbook of Case*. Ed. by A. Malchukov and A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 716–729.
- STEINKE, Klaus. „Überlegungen zur theoretischen Grundlegung der Balkanlinguistik.“ *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. XII/1. München, 1976. S. 85–90.
- STEINKE, Klaus. „Gibt es überhaupt Balkanismen?“ *Балканско езикознание*. Кн. XIX. София, 1976. S. 21–35.
- TOPOLIŃSKA, Zuzanna. „Definiteness (synchrony).“ *The Slavic Languages. An international Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Volume 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 176–188.
- URBAN, Mateusz. „Defining the linguistic area/league: an invitation to discussion.“ *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. Vol. 124 (2007). P. 137–159.

Источники

МДАБЯ. *Малый диалектологический атлас балканских языков*. Соболев, Андрей Н. (Ред.). *Пробный выпуск*. München: Biblion Verlag, 2003. *Серия лексическая*. Том I. *Лексика духовной культуры*. München: Biblion Verlag, 2005. Том II. *Человек. Семья*. München: Otto Sagner Verlag, 2006. Том III. *Животноводство*. С.-Петербург; München: Наука; Otto Sagner Verlag, 2009. Том IV. *Ландшафт*. Составитель М. В. Домосилецкая. С.-Петербург; München: Наука; Otto Sagner Verlag, 2010. *Серия грамматическая*. Том I. *Категории имени существительного*. München: Biblion Verlag, 2005.

Резиме

Андреј Н. Собољев

АНТИБАЛКАНИЗМИ

Потреба за научном дефиницијом балканизма као интегралног индикатора балканске лингвистичке заједнице приморава да се обратимо језичким јединицама и операцијама које су супротни балканизмима, у току балканског језичког контакта не прелазе границе полазног језика, позајмљују се и калкирају се са максималном тешкоћом, тј. имају својеврстан антидонацијски карактер. За њих се у чланку предлаже термин *антибалканизми* и наводи се њихов непотпуни списак за балканскословенске језике.